

Косицкие В
арт

1984

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

НОЧНОЙ ЗВОНОК

10 марта с. г. в нашей газете был опубликован очерк «Сквозь дымку лет» — о непростой судьбе актрисы Варвары Андреевны Костровой, встречавшейся в разные годы с замечательными писателями и артистами. Эти встречи В. Кострова описывает в своих мемуарах. 18 августа мы напечатали отрывок из них — «Три встречи с Буниным». Сегодня предлагаем читателям главу о встрече актрисы с Вл. Маяковским.

С гордостью вспоминаю, что участвовала в первой постановке пьесы Вл. Маяковского «Мистерия-буфф», в первую годовщину Великого Октября.

Известные артисты отказались играть в этой, как они выразились, «богохульной пьесе». Поэтому почти вся труппа состояла из артистической театральной молодежи. Мы были счастливы играть в этой революционной новаторской пьесе, в которой так чудесно переплетались героическая, торжественная «мистерия» с острой, обличающей буффонадой. Мы почти все были ровесниками Маяковского, но он казался нам намного старше, мудрее. Мы разделяли его неисчерпаемый оптимизм и восторженно повторяли его слова: «Верую в величие сердца человеческого» и были твердо убеждены, что «революция прачка святая с мылом всю грязь лица земного смывает».

Время тогда было очень трудное. В Петрограде было холодно, голодно. Каждый из нас испытывал немало лишений, но все горькое забывалось, когда переступив порог театра, мы слышали прекрасный голос поэта. Маяковский никогда не впадал в уныние, хотя многое не ладилось в постановке, но он и постановщик спектакля В. Мейерхольд всегда находили нужный выход. Владимир Владимирович сам мастерил необходимые для постановки детали, раскрашивал афиши и даже сам их расклеивал.

Помню, как однажды я пешком спешила на репетицию (трамвай почти не ходили), вскоре ко мне присоединились еще артисты, и мы весело заспорили, но вдруг, пораженные, остановились.

Посреди мостовой лежала павшая лошадь, а вокруг нее копошились какие-то люди... Полные жалости и омерзения, мы бросились прочь. Прибежав

в театр, мы взволнованно рассказали Владимиру Владимировичу о случившемся. А он ответил печально и твердо: «Что же поделаешь? Лошадь мертва, а люди голодны». Потом спросил: «Хотите я вам прочту свое давнишнее стихотворение о хорошем отношении к лошадям?». И он прочел. Мы все были очень взволнованы.

...Репетиции проходили в радостной атмосфере. Близился день премьеры. Помню, как мы бежали по разукрашенным улицам. Радостно гремела музыка, совсем незнакомые люди, встречаясь, поздравляли друг друга с праздником. В театре тоже была радостная суматоха, убрали помещение, ставили декорации, а мы, артисты, в шелку занавеса смотрели на зрителей, в большинстве рабочих. Их лица, простые и милые, казались нам суровыми и недоступными, и мы со страхом ждали их суждений. Но боязнь наша сразу рассеялась, когда в конце пьесы все присутствующие вместе с нами воскликнули: «Славься, сияй, наша коммуна». Как раз в этот момент я увидела лицо поэта, просветленное и гордое...

Шли годы... Приезжая в Москву после заграничных гастролей, я не раз встречала Владимира Владимировича на собраниях, концертах, в театрах, но ничего особенного от этих встреч память моя не сохранила. Зато наш последний телефонный разговор запомнил нас навсегда.

В 1927 году я проездом остановилась в Праге. Утомленная, рано легла спать. Часов около 12 ночи меня разбудил телефонный звонок.

— Кострова, это вы? — громко прозвучало в трубке.

— Маяковский! Откуда вы взялись? — взволнованно и радостно спросила я.

— Я уже несколько дней в Праге и только что узнал, что

вы тоже здесь и даже в том же отеле. Когда увидимся?

— Сегодня невозможно, слишком поздно, а завтра рано утром я уезжаю на гастроли в Вену.

— Ну что ж, тогда будем общаться по телефону. Как вам нравится Прага и чехи?

— И город, и люди мне очень нравятся, — ответила я. — Чехи приветливы, гостеприимны, у меня до сих пор правая рука болит от писания автографов.

— На каком языке вы здесь играете?

— Здесь на русском. А в Берлине и в Вене на немецком. Кроме того, готовлю ряд лекций на французском языке.

— Должно быть, устаете от такого смешения языков?

— Да, я очень устаю, а главное, скучаю по России, по русскому театру, по дому.

— Хорошо вас понимаю. Я тоже — уеду и на второй день затоскую.

После маленькой паузы он сказал:

— Кострова, вы, кажется, с вами ровесники, еще молоды, но за эти годы здорово повзрослели, нелегко нам достаются эти заграничные поездки.

Вспомнили мы также «Мистерия-буфф», и Маяковский шутиливо поддразнил меня:

— Я хорошо помню, Кострова, как ваша головка торчала среди нелепых мармеладовых облаков, и вы по-ангельски пищали: «А мы метки на облаках вышиваем».

Я рассмеялась и в тон ему ответила, что пищать не могла, так как от рождения обладаю низким голосом, но, конечно, не таким громовым, как у Маяковского. Затем я спросила поэта, помнит ли он, как учил нас скандировать «Наш марш», и огорченно прибавила, что давно уже не слышала его чтения. Вдруг из телефонной трубки полился голос поэта: он изумительно прочел «Наш марш». Растроганная, я горячо поблагодарила Владимира Владимировича.

...Вероятно, мы, два путника, случайно встретившихся на чужбине, еще долго продолжали бы наш ночной разговор, если бы голос недовольной телефонистки не прервал нас. Больше с Маяковским мне разговаривать не довелось. Известие о его трагической кончине застало меня в Париже — в городе, о котором поэт писал: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва».

Варвара КОСТРОВА.

СОСТАВЛЕНА И ПУБЛИКОВАНА
Г. МОСКВА

45 АЛЕК 1984

31